

* * *

За неимением голоса и слуха надо довериться тому, кто понимает толк в музыке, и припасть к какому-нибудь композитору. К Сибелиусу, допустим, припасть. Но почтительно, без ёрничества припасть, не оскорбляя памяти Вен. Ерофеева.

* * *

Секрет незаурядности «избранной» нации доволно прост. Еврейки тянутся к умным и талантливым мужикам – не только к евреям, но и к русским, немцам и прочим; а русские бабы от умных и талантливых шарахаются: им бы кого-нибудь попроще. Еврейки из века в век улучшают породу своей нации.

* * *

Новогодние и рождественские праздники кончились. Из них я вышел, понеся потери в живой силе и технике (палец вывихнул и очки разбил). Жизнь складывается так, что я уже давно не беру никаких крепостей, не водружаю победных знамён и не даю салют двадцатью артиллерийскими залпами.

* * *

Это ж надо – настолько дискредитировать слово «голубой»! К чему ни приложишь – всё становится двусмысленным.

* * *

Мне одному лучше, чем в компании, но если я долго один, устаю от себя. Нам не хватает за-

предельного, поэтому так притягивают песни с уголовщиной, цыганщиной.

* * *

Почему до сих пор не написан роман о жизни Венедикта Васильевича Ерофеева? Ведь какая увлекательная книга могла бы возникнуть! Сколько мест работы и незаурядных женщин; сколько городов, областей, краёв, наконец. Когда кто-нибудь спохватится – уйдут свидетели, очевидцы. Получится самое обыкновенное враньё.

* * *

Культура начинается с легенды, предания, сказки – с литературы, одним словом; литература в основе всего.

* * *

Нервы ещё не сильно обнажены: прикосновения Бога я почти не чувствую.

* * *

Мысли работают в основном на укрепление души, но иногда – на ослабление и разорение. На душу полезно напускать орды.

* * *

Как любая церквушка обязана быть намоленной, чтобы стать подлинной церковью, так и местности, с которой связана жизнь, необходимо обрасти своими байками, притчами и тому подобным, чтобы из безликой географической точки превратиться в малую родину.

60

* * *

Вчера держался подальше от самоуверенных, благополучных людей; подозревал: хотя бы по одному человеку каждый из них может зарезать.

* * *

Есть предположение, что в художники идёт неудавшийся литератор: за кисти хватается тот, кто нужных слов не находит.

* * *

Пишущему должно быть неуютно среди того, что его окружает. Основа творчества – дисконформ.

* * *

Все мы живём около цветника, но по разные стороны.

* * *

От клещевого энцефалита я прививку поставил, а тут ещё и СПИДом пугают. Где ставят прививки от СПИДа?

* * *

Желудок ведёт самостоятельное существование. Иногда, например, он начинает петь. И если ты находишься в обществе, где и женщины есть, приходится стучать ногой по полу, так как песнь его утробна: «У-у-у!!» Что ж он, подлец, другие слова не выучит?

* * *

В человеке должны быть непомерности. Взять себе за правило: ругать советскую власть только в случае крайней необходимости. По всей стране прокатились стихийные проявления признательности.

* * *

И всё-таки мы не отмежевались от успехов в подъёме экономики. Мы растущую цену на нефть приняли как своё достижение.

* * *

В 1917-м в случае с большевиками без вмешательства дьявольских сил не обошлось: крикливые фантазёры гомонили, выпендривались, ренегата Каутского ругали – и вдруг им в руки свалилась Россия. Бери и пускай ей кровинушку сколь угодно.

* * *

Бесприютность и неприкаянность – вот два состояния, которые достойны самого пристального изучения. Самые унылые мысли, я заметил, приходят, как правило, когда ты один, в тем-

ноте и тебе холодно. Совсем скверно, если в это время за окном дождь. Самообольщайся!

* * *

Жил когда-то давно в Китае Конфуций. Бывало, что-нибудь надумает и на бумаге запишет. Безобидный, в общем, был человек. И тут вдруг через две тыщи лет на него китайцы ка-а-ак с критикой обрушатся!

* * *

Так много у него заблуждений, что к нему поневоле симпатией проникаешься.

* * *

Чем меньше цивилизована страна, тем легче она впадает в междоусобицу, резню, дикость. Россию от нового бунта спасает только то, что тяжела на подьём.

* * *

Если ты мнительный, то и походка у тебя должна быть соответствующей.

* * *

Подобные заметки в две-три строчки – удел ленивых, они заменяют ненаписанные повести и рассказы. Люди у нас (не знаю, к добру ли, к худу) с интуицией. Не я выделяюсь, но меня выделяют.

* * *

Если пишешь жёстко, то, не щадя других, себя прежде всего не щади. Да где ж та грань, где начатое переходит неуловимо в незаконченное? Труднее всего говорить своим голосом. Массовая профессия – неудачник. Жванецкий говорит: «Я боялся исписаться, пока не понял: чем больше пишешь, тем лучше получается».

* * *

Отходов писательского производства у меня много, но я не загрязняю ими окружающую среду.

* * *

Боря: «Я ж не прячусь и не скрываюсь. Вот он я! Бери меня и награждай медалями, разными грамотами и деньгами».

* * *

Почему я так равнодушен к весеннему теплу, капели, восторженному чириканью птичек? Что там внутри меня в это время происходит? В данный момент я ходячее гнездо для вирусов гриппа!

* * *

Чубайсу Россия многим обязана: слово «ваучер» она никогда не забудет.

Жанр «крохоток», «затесей» – это жанр объяснений непонятных вещей самому себе.

Весь мой большой жизненный опыт свидетельствует: чем проще, тем надёжней. Кувалда реже ломается, чем японский телевизор.

Хотел пофлиртовать с докторицей, а потом представил, как буду выглядеть в её глазах, когда ей доподлинно известно, сколько песка в моих почках и соли в суставах.

Вот у нас – малиновое утро. А как, к примеру, в Мальдивской Республике, где малины нет? Апельсиновое утро? Ананасовое утро? Месяц, похожий на банан? Конечно, я молчу, но как выразительно!

Только здесь от работников канализационных сооружений я узнал, что асс-машина, оказывается, ничего общего с высшим пилотажем не имеет.

По Асинску угрожающими толпами ходили интеллигенты.

Написанное – по любому поводу – должно быть к чему-то привязано. Всегда. К месту, к другому человеку... Или хотя бы к конкретной дате. Чтобы вещественность чувствовалась (29.03.2000, среда, 11 час. 19 мин.).

Идеология появляется там, где нет нормальной оплаты труда. Тебе начинают объяснять, как это увлекательно и граждански ответственно – вкалывать за гроши. Там, где деньги являются равноценным эквивалентом работы, идеология не нужна.

Душа обязана умываться слезами. Хотя бы изредка. Для гигиены.

Посвящается Г.

*Пусть долго-долго длятся дни,
Когда твой слышен голос пылкий.
Твои открытия сродни
Открытию пивной бутылки.*

Всё как всегда: пороки нарасхват, а добродетели залёживаются.

Очень точное слово для некоторых физиономий: чавка. Славянский запас.

Призывающим Русь к топору помнить надо, что машет она топором в разные стороны и головы тех, кто призывает, летят ничуть не реже, чем все остальные.

Хочу быть талантливым всегда, везде и во всём. Остальное меня не касается.

Как не восхищаться Жириновским? Он доказал: у нас, в России, ничего невозможного нет.

Девушки любят от меня разбегаться; можно подумать, это доставляет им удовольствие.

Я не хочу доходить до критической точки. Я боюсь такого момента, когда смогу сказать себе: «Всё, с жизнью надо завязывать».

«До» и «после». «До» – это когда рассчитывал на авось. «После» – когда начал понемногу планировать и что-то стало осуществляться.

Больше всего ханжества вокруг половой жизни. Затем, наверно, идёт воспитание.

Это странный забег – забег неудачника. Ты бежишь один. Ни протяжённость трассы, ни где она завершается – тебе ничего не известно. Зрителей тоже нет. Ты сам себе спортсмен, судья-информатор, болельщик и прочая-прочая. Рассчитывай свои силёнки, как хочешь и на сколько хочешь. Вперёд!

Я слишком глубоко втянулся в то, что меня окружает. Я даже забыл, что через три недели рыбалка. Так нельзя. Что-то ты к себе неуважителен.

Среди ромашек на лугу, среди берёзок в летнем ситчике светлеешь лицом и никакого желания мускулы напрягать, миролюбие переполняет. А вот в горах так, наверно, и тянет в кого-нибудь выстрелить.

В жизни всё полосами: чёрная – белая, чёрная – белая... А тут вдруг наплывает неопреде-

62

лётного цвета. И сразу не поймёшь: взлётная или посадочная?

* * *

Дуры ведут себя совершенно естественно: зимой они холодные, а весной распусаются.

* * *

Даже в крепких выражениях он был неоригинален.

* * *

Наш лабиринт тем и уникален, что при многообразии вариантов все выходы ведут в тупик.

* * *

При работе над текстом вот что главное: от своих спичек надо прикуривать. От своих!

* * *

Ну нету эликсира вечной жизни! По крайней мере, не может быть. А алхимики по средневековости своей этого не знали и яростно его искали. И попутно столько наоткрывали!

* * *

Здесь тихо. Чужая мысль сюда не долетает, своей нет. Здесь очень тихо.

* * *

Всё-таки себя любить надо. Хотя бы потому, что в жизни не так уж много любви.

* * *

До чего же богат и многомерен наш язык: «Кривая благосостояния поползла вверх». Прелесть!

* * *

Как приятно воспалённым лбом прижаться к холодному стеклу. Это борщ должен быть горячим, а ум – совсем наоборот.

* * *

Анекдоты, как и песни Высоцкого, на бумаге мертвеют.

* * *

Подумал почти по-ерофеевски: «Холостой, как выстрел».

* * *

В душе необходимы границы, за которыми – заповедное. Туда и самому не надо часто заглядывать, чтоб грязи не натаскать, не намусорить. С возрастом от некоторых тем надо уходить. Как бы ни рассуждали старики о половых связях – всё неловко и неуместно. Читаешь и думаешь: «Ты-то, старый пень, куда? Ты своё откукарекал». Не лицемерие, не ханжество, а понимание

того, что с годами не следует выставлять себя на посмешище.

* * *

Я мнительный, я удачу спугнуть боюсь. Вот, я слышал, Земля в начале февраля вступила в мою эру – эру Водолея.

* * *

Ожидание выхода повести как ожидание собственной свадьбы. И торопишь этот день, и боишься его.

* * *

Это поразительно, насколько стала незаметной роль поэзии в жизни. Когда я в начале восьмидесятых только-только осваивал эту кухню, на слуху были десятки имён. Кто, например, сейчас помнит Игоря Шкляревского? Или Леонида Завальнюка? Или того фронтовика, который выпустил примечательный сборник «Оглохшая пехота»? Время стёрло память о них.

* * *

Люблю весну в начале мая... (На рынках колба появляется.)

* * *

«Покорись!» – говорю природе. «Не-а!» – отвечает она. Ну и махнул рукой тогда на неё. А что мне ещё оставалось делать?

* * *

Что у нас ни делается – всё от полноты души: даже территория загажена с удалью, размахом и бесшабашностью!

* * *

Читателю надо чаще рассказывать о своих неудачах. Но не с желчью и горечью – этого как раз нельзя, он и сам неудачник, – а весело и с удивлением: «Ух ты, надо же так, вот я влип!» Это в природе человека: ему легче, когда другому тоже плохо.

* * *

Подлость не остаётся безнаказанной. Я встречал подлецов, но счастливые среди них не попадались. Это можно выразить короче: Бог есть.

* * *

На каких дрожжах поднимается атеизм? На подлости и невежестве.

* * *

Ещё ведь ничего не напечатали, а я уже меньше чем о двухтомнике избранного не подумываю.

А ведь судьба меня не зря придерживала. Начни я раньше, я бы тоже, наверно, состряпал повестушку «Считайте меня коммунистом».

Крылатая фраза, услышанная на стекольном заводе: «И не такие дела заваливали!»

По-своему Ерофеев прав, что написал мало: каждая фраза вызывает интерес, каждое слово полновесно. Но ему самому разве не хотелось сделать ещё что-нибудь на уровне «Петушков»? Пьеса не очень удалась по одной причине: слишком политизирована, удар пришёлся в подушку.

Вот что я скажу: не надо путать невежество с невежеством. Перед выборами в парламент старички через газету призывают не ошибиться и голосовать за коммунистов. Вот уж действительно – безошибочные люди. У «яблочников» даже агрессивность унылая. Глядя на них, хочется спать. Что можно сказать про этих ребят? Они в стране посторонние...

Хоть монголо-татары и подмешали нам своей крови, русскости в нас они не убили. Поиски «правды», «настоящего царя» продолжаются и тысячу лет спустя. Мы народ очарованный, хоть и жуткие зверьки из нас иногда выглядывают.

Он бросил свой бюллетень в урну так, как будто плюнул в неё.

Там, где есть улицы Менжинского и Дзержинского, легко представить улицу Маяковского или Демьяна Бедного. А вот улицу Иосифа Бродского представить невозможно: не та для него компания. Разве что на далёком Севере, где-нибудь среди холодного пустынного моря может подняться из воды остров Бродского как место уютного обитания.

Диссидентская литература, ставившая во главу своё диссидентство, оказалась бесплодной. Если ужать её до афоризма, только-то и получится: «А пошли они на ...». Весь Юз Алешковский, к примеру, в этой фразе.

У нас инструкции пишутся не для того, чтобы регламентировать работу, а для того, чтобы показать её видимость.

Генис пишет, что Довлатов прокладывает ватой свои хрустальные фразы, чтобы не было чрезмерностей. А то читатель быстро насытится чрезмерностями и дёру даст. Но у Ильфа и Петрова с чрезмерностями было куда как гуще – и ничего. Литература и пирожное – это разные продукты.

Стыдно быть абсолютно правым и непогрешимым. Когда писатель мчится на читателя с текстом как с копьём наперевес – это уже не писатель.

До чего же слова порой бывают неподатливы! Ты впихиваешь их в предложение, а они от туда вываливаются.

Оптимистический лозунг дня: «Наше поколение будет жить!»

Не всё, что принадлежит народу, ему нужно позарез: вот, например, искусство.

А любовь, как слон, стороной прошла.

Иногда что-нибудь этакое умное-умное осенит голову, что даже сердце на миг замрёт: уж не еврей ли я?

Какие холодные дни стоят – ангелы, что ли, в небе поругались?

Возрадуйся, избиратель! Мне очертили фронт работы, но единственное желание, которое сразу возникло: отодвинуться от этого фронта как можно дальше и оказаться в тылу.

Ужас какой-то: девушки, которые меня любили, сейчас внуков нянчат!

Опять я что-то путаю: это не идиотизм, это суровые трудовые будни.

Так и надо ходить: от вермута – к цветочкам, от цветочков – к вермуту. И тогда на этих переходах, возможно, забрезжат какие-нибудь дали, какие-нибудь «Москва – Петушки» забрезжат.

Не старайтесь, вы ничуть не раздражите меня своими победами.

Всё-таки чаще всего, наверно, из окон прыгают весной. Руки раскинул – и летишь, летишь...

Я-то сам ничего, но вот голова моя упорно готовится к славе: поседела, облысела и сделалась удобной для лаврового венка.

Я бы чему-нибудь умилился. Цветочку како-му-нибудь умилился. Но нет цветочков. А на людей посмотришь – умиляться не хочется.

У неё было столько аргументов, что хватило бы на двух обыкновенных девушек.

Дождь идёт и идёт. Изю дня в день, изю дня в день. Чего он этим хочет добиться?

Хорошо, я согласен, шампунь укрепляет корни волос. Тогда почему всё, что выше корней, так дружно отвалилось?

Не люблю афоризмы за раздутые претензии. То, что я записываю, это не афоризмы. Так, наметки, наброски, кусочки для дальнейшей работы.

Как летят дни и месяцы, как они летят! И если ещё при этом не фиксировать события на бумаге – всё ушедшее быстро превращается в сплошную серую кашу.

Есть претензии не столько к глазам, сколько к верхним векам: после обеда они всячески стараются закрыть от меня окружающую действительность.

Наваливается такой могучий сон, что поневоле изумляешься: откуда в нём столько силы?

От каждой способности – по потребности. Я активист пассивной жизни.

Взял стихи П., набрался сил и прочёл их. Счастливый рифмоплёт. Он так и не отведал за-претного плода и до сих пор пребывает в раю.

Налетела туча и такую дурь с собой принесла, что даже говорить неудобно.

Мюнхгаузен – вечная молодость, Печорин – вечная старость. А сам я? Всё от настроения зависит.

Надо научиться спать на работе.

Как она шла мне навстречу! Как она шла! Я не успевал никуда вернуться.

Вот уж чем-чем народ не дорожит, так это языком своим. Дикая смесь жаргона, мата, газетного штампа (в лучшем случае) – вот что такое современный разговорный язык. Зато чем действительно отличается наш народ – это меткостью образов и характеристик. Правда, и здесь дело чаще всего на грани или за гранью фола.

Одна не очень грамотная женщина, которую, разумеется, облапошили с квартирой, записала в своём дневнике: «Советского человека с порога видно. По виноватому выражению лица». (Из телепередачи «Человек и закон».)

65 К определениям таланта я бы добавил ещё и такое: «Талант – это способность ума изумляться».

У Зощенко все персонажи либо горожане в первом поколении, либо крестьяне, а ни один из них не говорит «народным образным говором». Все изъясняются на чудовищном волапюке. Нет никакого народного языка.

На столе, словно после канцелярских бандитских разборок, вповалку лежат кнопки и скрепки.

Утверждение, что «крестьянки чувствовать умеют», и сегодня не подлежит сомнению. Более того, крестьянки гораздо шире в проявлениях своих чувств, чем интеллигентные барышни. Крестьянки несравнимо чаще засандаливают нож в своих мужей и любовников или бьют их топором по голове, чем это проделывают интеллигентные барышни.

О Розанове: постоянно – на бумаге – называть жену «другом» да ещё и обрамлять кавычками – в этом есть что-то слегка извращённое.

А вот это розановское очень серьёзно: «*Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. «Кто молится» – победит всех, и святые будут победителями мира». И ещё: «Лучшие люди, каких я встречал ... все были религиозные люди; глубочайшие умом, Флоренский, Рцы, – религиозны же. Ведь это что-нибудь да значит? Мой выбор решён».* (Курсив В. Розанова.)

Парфразируя Маяковского, можно сказать: «Писатели корчились безъязыкие». Правда, они не корчатся. Совсем даже не корчатся.

По натуре я созерцатель. Я бы согласился работать в такой должности, только денег за созерцание никто не желает платить.

Что это за джигит, если он десять человек не зарезал? Да его ни в одну приличную банду не возьмут!

Бездарность нельзя оправдывать захолустным происхождением.

Я бы тоже своих персонажей вытаскивал из ледяной воды и горящих изб. Они бы у меня тискали баб, брюхатили их, бросали, а через двадцать лет вновь встречали. Они бы при встречах сильно что-нибудь чувствовали... Но теперь на всё на это есть писательница У.

На остановке слушал нежное воркование: девчонки матерились о любви.

Говорят, чудес не бывает. А жизнь?

Я понимаю: все недовольны. Но ведь всех всё устраивает!

Ни разу не познавший женщину, великий девственник Исаак Ньютон. И портрет в газете. Это правильно. Таких чудаков надо рассматривать пристально и со вниманием.

С любым транспарантом в руках я буду выглядеть идиот идиотом.

Хирургические вмешательства в культуру не только позволительны, но и необходимы. Нельзя культивировать дикость, варварство и пренебрежение к чужой жизни. Ведь отучили же когда-то сицилийцев от вендетты.

Маловыразительная индивидуальность.

Доброту в себе надо чем-то уравновешивать.

Это, наверно, уже старческое: после обеда наваливается сон. Уж не меняется ли во мне природа? Не переходит ли она от умеренных широт в лесотундру и тундру?

Никакие слова так часто не меняются между собой местами, как «да здравствует!» и «долгой!».

Удовольствий так мало, что отказывать себе в них – это признак расстройства рассудка.

Пока мою прозу не печатают – она набирает крепость.

Когда-то я пренебрегал чужим мнением. Затем научился прислушиваться к нему. Сегодня чаще всего озабочен тем, чтобы моё мнение не отбрасывали. Значит ли это, что я пал духом и ослаб? Нет, не значит. Я просто немного изменился. Вот так с некоторыми и в жизни надо: «Не платите за воду? Отключаю!»

Ну почему, почему глупость редко бывает тихой и незаметной? Почему ей надо заявлять о себе в полный голос?

Одно утешает, что землю из-под нас нельзя своровать и положить под проценты в швейцарский банк. Иначе мы бы тут давно, как ангелы, над пустыней летали.

Ну и негодяй же он! Такого только орденом награждать.

Прорабы, бригадиры и вообще прослойка между начальством и управляемой массой, подвергаясь сильному воздействию сверху и снизу, крепость имеет необыкновенную.

После Вен. Ерофеева прочитав Хемингуэя, невольно задаёшься вопросом: зачем его персонажи так часто пьют? Спиртное здесь атрибут необязательный, случайный, оно вообще никакого воздействия ни на что не оказывает.

Ну что ты к ним в шеренги пристраиваешься? Ты шути в свою сторону.

Надо же, умом не вышел, а туда же: ликовать собрался.

Что такое обретение таланта? Это значит: в душе распустился цветок и я не могу им надыхаться.

Иногда прочитаешь книжку, и возникает желание спросить писателя: «А теперь скажи, зачем ты это написал?»

Всеобщий энтузиазм был такой, что от него приходилось прятаться.

Всё меньше волос на голове. Мои мысли открыты солнцу.

Чем меньше нравятся женщины, тем больше любви к искусству.

Да что мы за народ? Чуть что – сразу: «Ура-а!»

В кемеровской пис. организации большинство писателей с бородами. Бороды разные. У кого редкая, у кого козлиная, у кого лопатой. Царь Пётр там нужен – с ножницами.

Стадно стыдно.

Невообразимость очевидного. Может, я и прижился бы в науке: у меня столько бредовых гипотез!

Идиотизм в нашей жизни обнаружить не проблема, главное – найти ту точку, с которой его лучше всего рассматривать.

То здесь кольнёт, то там стрельнёт... Мои внутренние ландшафты становятся ареной боевых действий.

Жизнь так изумительна, так неожиданна в своих проявлениях, что для печали не должно оставаться времени. Ещё недавно мороз был – сорок градусов. Но ведь потеплело же! Эй, парень! Если тебя загоняют в тупик – надо ли этому способствовать? Жизнь лучше всего выстраивать так, чтобы не было поводов для нытья.

Вот ведь что забавно: из всех этих фраз только примерно десятая часть пойдёт в дело. Моё производство никак не назовёшь безотходным.

Эх, как я: чуть что – «судьба, судьба». А ей, может, до меня и дела нет. Или глянет раз в год – как он там? – и опять чёрт знает чем занимается.

Не бывает напрасной радости. Горе бывает, а вот радость – нет.

У бездомных собак, когда они не в стае (в стае собаки агрессивны), есть уникальное свойство, почти потерянное человеком, – беззащитность. Я очень ценю это редкое свойство в людях, но отделяю его от беспомощности.

67

Сильнее всего душа устаёт от одиночества. Даже там, где его и не видно сразу. Боль, обиды, мелкие неурядицы... А копни глубже – подо всем одиночество.

Я хотел бы сочинять по чуть-чуть, но чтобы возникало ощущение большого объёма написанного.

Если душа болит – значит, не всё потеряно.

В тексте должно быть как в прибранной и проветренной комнате: чисто, светло и дышится легко.

Ну да, я смотрю не во все лица. Объясняется просто. Это вот как идёт электричка. Станции – Почитанка, Судженка. И вдруг какой-нибудь 48-й километр. То есть, кроме точки отсчёта от чего-то, и сказать нечего. Так и с лицами.

Сижу, как леший на кочке. То так из словечек узор составлю, то этак. Поглядываю, как лучше получится.